

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-69-86
EDN: CQXOPD

ЗАКАВКАЗСКИЙ КРАЙ В ЦАРСКИХ ПУТЕШЕСТВИЯХ: ОТ АЛЕКСАНДРА II ДО НИКОЛАЯ II

Дмитрий Николаевич Прасолов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dmprasolov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

Аннотация. Путешествия императоров по национальным окраинам Российской империи, как форма репрезентации власти и освоения символического пространства многонационального государства, являлись одним из средств управления культурно сложными сообществами подданных династии Романовых. В статье рассматриваются обстоятельства посещения Южного Кавказа Александром II в 1871 г., Александром III в 1888 г. и Николаем II в 1914 гг. Представлена характеристика общих особенностей маршрутов и сценариев высочайших визитов, показана устойчивость основных форм коммуникаций с местным населением. Подчеркивается значимость преемственности кавказских путешествий цесаревичей в их будущих практиках по управлению регионом. Исследованы коммеморативные аспекты царских визитов, актуализирующие в общественном сознании ключевые события российской истории Кавказа. Отмечается, что при соблюдении организационно-церемониального канона, с каждым визитом решались и конкретно-исторические задачи, обусловленные завершением присоединения Кавказа к России, развитием транспортной инфраструктуры и углублением интеграции края в социокультурное пространство империи, символической мобилизацией демографических и материальных ресурсов южной окраины в условиях Первой мировой войны. Обоснован вывод, что приезды императоров способствовали легитимации в глазах подданных как высшей коронной власти, так и ее представителей в лице властей Кавказского края. «Высочайшие визиты» углубляли интеграцию региона в большое имперское пространство, и, вместе с тем, способствовали реинтеграции народов Южного Кавказа в рамках российского государственного порядка.

Ключевые слова: Российская империя, Александр II, Александр III, Николай II, Южный Кавказ, Закавказье, Тифлис.

Для цитирования: Прасолов Д.Н. Закавказский край в царских путешествиях: от Александра II до Николая II // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 69-86. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-69-86. EDN: CQXOPD.

© Прасолов Д.Н., 2022

Original article

THE TRANSCAUCASIAN REGION IN CZARIST TRAVELS: FROM ALEXANDER II TO NICHOLAS II

Dmitry N. Prasolov

Institute for Humanitarian studies – branch of the FSBSE «Federal Scientific Center ‘Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’», Nalchik, Russia, dmprasolov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

Abstract. The travels of emperors on the national outskirts of the Russian Empire as a representation of power and mastering the symbolic space of multinational state were the means to manage culturally complex communities of the Romanov dynasty servants. The article considers the circumstances of the visits of Alexander II in 1871, Alexander III in 1888, and Nicholas II in 1914 to the South Caucasus. It describes the general characteristics of the routes and scenarios of the highest visits, shows the stability of the principal forms of communication with the local population. The importance of the continuity of the czarevitch's' Caucasian journeys in their future practices of ruling the region is emphasized. The commemorative aspects of the czarist visits that actualize in the public consciousness the key events of the Russian history of the Caucasus are investigated. It is noted while observing organizational and ceremonial canon, each visit solved concrete and historical problems determined by the completion of the accession Caucasus to Russia, the development of transport infrastructure and deeper integration of the region into the socio-cultural space of the empire, symbolic mobilization of demographic and material resources of the southern outskirts during the World War I. The reasoned conclusion shows that the visits of the emperors promoted the legitimization in the eyes of the subjects of both the supreme crown authority and its representatives in the face of the authorities of the Caucasian region. "The Highest Visits" deepened the integration of the region into the larger imperial space and, at the same time, contributed to the reintegration of the peoples of the South Caucasus within the Russian state order.

Keywords: Russian Empire, Alexander II, Alexander III, Nicholas II, South Caucasus, Transcaucasia, Tiflis.

For citation: Prasolov D.N. Transcaucasian region in tsarist travels: from Alexander II to Nicholas II. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 2. – P. 69-86. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-69-86. EDN: CQXOPD.

© Prasolov D.N., 2022

Посещение представителями династии Романовых окраин своей многонациональной державы являлось одним из привычных сценариев власти в Российской империи. Основные формы организации и церемониальное содержание «высочайших визитов» формировались с учетом специфики региона, подчеркивая понимание коронными властями особенностей посещаемых территорий. Динамику этих аспектов управления этническим и конфессиональным многообразием исследовал в своей работе Р. Уортман [Уортман 2004]. На кавказском материале обобщенную картину царских путешествий представил В.В. Трепавлов [Трепавлов 2015]. Обстоятельно рассмотрены подготовка и организация посещения Кавказа Александром III [Бекулов, Бекулова 2020]. Хубертус Ян в новейшей статье показал значение царских визитов как одного из важнейших коммуникативных средств репрезентации имперской власти. По мнению автора, сопровождавшееся впечатляющим церемониалом личное явление императора кавказским подданным «представляло силу и величие правителя населению, которое не было знакомо с подобными имперскими сценариями» [Hubertus Jahn 2021: 171]. В настоящей статье на примере «высочайших посещений» Кавказа Александром II, Александром III и Николаем II рассматривается, как царские путешествия способствовали углублению интеграции Южного Кавказа в социокультурное пространство Российской империи, а также выступали актом легитимации в глазах подданных, как высшей коронной власти, так и власти тех, кто был поставлен царем управлять Кавказским краем.

Будучи еще цесаревичем, Александр Николаевич посетил Кавказ в 1850. В качестве императора в 1861 г. он принял участие в некоторых эпизодах завершающего этапа Кавказской войны [Трепавлов 2015: 105-106]. Поездка 1871 г. стала инспекционным ознакомлением Александра II с положением в Кавказском крае после его умиротворения и проведения социальных, административных и земельных реформ. Проехав с каспийского побережья в Порт-Петровске до административного центра Терской области – Владикавказа (18 сентября) кортеж отправился на юг по военно-грузинской дороге. Начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов получил от императора приглашение сопровождать его до Тифлиса [Заметки... 1871: 2]. Причем, от Владикавказа до Балты его сопровождали кабардинские дворяне и конвойная команда, а оттуда – до Ларса и далее до Казбеги – представители осетинской знати и всадники Терской постоянной милиции [Киреев 2011: 130]. На Южном Кавказе Александр II посетил Тифлис (20 сентября), Боржом, Кутаиси и Поти, откуда пароходом отбыл в Крым.

Примечательным моментом пребывания в Тифлисе 21 сентября стала аудиенция, начавшаяся традиционными приветствиями Александру II, выраженными представителями приграничных к Закавказской провинции Российской империи государств: персидским послом Хамза-Мирзой и турецким военным губернатором Эрзерума Мустафа-пашой, специально прибывшими в столицу Кавказского края. И только затем были приняты чиновники первых пяти классов и депутации от дворян и граждан. Преемственность между путешествиями Александра Николаевича примечательно проявилась в посещении императором в Гори уездного предводителя дворянства князя А. Эристова, «в том самом доме, где 21 год тому назад, следуя по тому же тракту, государь изволил осчастливить того же разумного хозяина принятием у него хлеба-соли» [Очерк... 1871: 1].

Традиционным уже способом мемориализации «высочайшего посещения» стал выпуск памятной медали с надписью «Кавказ 1871 г.», которой награждали многих причастных к организации путешествия императора. Помимо этого, в ознаменование пребывания в закавказском крае Александр II санкционировал масштабную раздачу орденов, награждение которыми происходило в 10 октября в Тифлисе на специальном приеме наместником всех начальников губерний и областей, а также отдельных частей, членов совета, духовенство всех исповеданий, предводителей губернского и уездного дворянства [Кавказ 1871. №116: 1; № 119: 1; №121: 1].

Официальным итогом царской поездки на Кавказ стала серия рескриптов, изданных Александром II на протяжении маршрута от Гуниба до Поти. В благодарственном письме кавказскому наместнику Михаилу Николаевичу от 30 сентября была дана высокая оценка его многолетнего руководства краем в один из самых сложных периодов его российской истории. Впоследствии сформулированная в рескрипте оценка исторической значимости завершения Кавказской войны 21 мая 1864 г. стала идеологическим каноном в коммеморациях этого события. В частности, Александр II отмечал: «В 1862 г. я признал за благо призвать вас к высшей государственной и военной деятельности в званиях

наместника моего на Кавказе и главнокомандующего кавказской армией. С тех пор важные и существенные изменения совершились в этом отдаленном крае... С именем вашего императорского высочества неразрывно будут связаны в истории Кавказа воспоминания о последних боевых подвигах русских войск, закончивших в 1864 г. покорение западной части этого края». Высоко оценив достижения наместника, император отметил, что наместник своей политикой добился водворения «в горских обществах прочного порядка и настолько подвинул гражданское их развитие, что ныне признано возможным многие из них подчинить общим с русским населением гражданским учреждениям» [Приказ... 1871].

По оценке М.А. Волхонского, дальнейшее развитие порядка управления не приняло продекларированного направления, а все больше стало подменяться политикой русификации [Волхонский 2006: 87–90]. Примечательно сравнить оценки императором готовности народов Кавказа к восприятию общероссийских социально-политических распоряжений в 1871 г. с анализом ситуации в крае в 1902 г. главноначальствующим Г.С. Голицыным: «Некоторое сближение Кавказа с империей происходит, но до органического слияния еще далеко, ибо разнородное население стоит на низком уровне социального, экономического и духовного развития» [Дякин 1998: 462]. Но, например, активисты земского движения на Кавказе даже в начале XX в. апеллировали к «забытым заветам» «великодушного победителя Шамиля» Александра II, выраженным в рескрипте Михаилу Николаевичу, в которых, за высказываниями о возможностях введения общегражданских учреждений, усматривали земские перспективы на Кавказе [Баев 1907: 2].

В заключении рескрипта император трогательно резюмировал: «Отъезжая ныне с Кавказа, я уношу в душу самое отрадное воспоминание обо всем мною виденном», выразив брату «душевную признательность за ваши девятилетние труды и заботы о благоустройстве вверенного вам края и за отличное состояние вверенных вам войск» [Приказ... 1871].

В приказе по войскам Кавказского округа Михаил Николаевич разделил императорскую благодарность со всеми представителями кавказской власти, выразив признательность «за их отличную и полезнейшую службу», особо отметив действующих администраторов – помощника наместника генерал-адъютанта Святополк-Мирского, начальника Дагестанской области генерал-адъютанта Меликова, Терской области генерал-адъютанта Лорис-Меликова, Кубанской области генерал-лейтенанта Цакни и начальника штаба Кавказского военного округа генерал-майора Свистунова [Приказ... 1871]. Таким образом заслуги наместника были признаны и результатами деятельности всей вертикали кавказской власти. Выраженная благодарность была растиражирована через региональные газеты. Несмотря на соответствующий формату рескрипта высокопарный слог, актовый итог поездки Александра II по Кавказу обладал существенной конкретно-исторической значимостью. Император не только «высочайше» удостоверял завершение инкорпорации народов Кавказа в состав российского государства, но и символически подтверждал высокий престиж военных и гражданских достижений кавказского наместника в глазах старшего бра-

та – включенного и вдумчивого свидетеля двадцатилетнего развития имперской ситуации в крае.

Первые две поездки Александра Николаевича на Кавказ проходили в условиях продолжавшейся Кавказской войны, некоторые впечатления от них были связаны с непокорностью и даже враждебностью местного населения. Поездка 1871 г. демонстрировала очевидный контраст в новом положении в крае. Как подведение итогов умиротворения Кавказа, поездка Александра стала еще и масштабным коммеморативным актом, ретроспективным признанием заслуг ключевых действующих лиц этого процесса. Начало благодарственным письмам было положено рескриптом предыдущему наместнику А.И. Барятинскому, при котором состоялась поездка 1861 г. Еще в начале путешествия, находясь в Дагестане, 11 сентября 1871 г. Александр II обратился к генерал-фельдмаршалу со словами: «Предприняв давно желанное путешествие на Кавказ, я с удовольствием вспоминаю о всей службе вашей в сем крае, и в особенности о трудах, посвященных вами управлению оным и командованию войсками, покрывшими себя неувядаемой славой.

Посещая ныне мирный Дагестан, столь долгое время подверженный кровавым битвам с непокорными горцами, стоившим столь много жертв и усилий, я с чувством истинного уважения обращаюсь к вам из Гуниба, где покорением и пленением Шамиля, предводителя врагов наших и его скопищ, вы положили начало умиротворению всего Кавказа» [Кавказ. 1871. № 120: 1].

В рескрипте на имя начальника главного управления наместника кавказского А.П. Николаи, проходившего службу при всех кавказских наместниках – М.С. Воронцове, Н.Н. Муравьеве, А.И. Барятинском, – отмечались его заслуги и в наместничество великого князя Михаила Николаевича. Император особо отметил в его адрес: «Вы были усердным ближайшим его сотрудником как по гражданскому управлению краем, так и по введению в оном важнейших совершенных во внутренних губерниях России реформ, требовавших в применении их к разнообразным населением края, стоящим на разных ступенях гражданственности, большей осмотрительности и знания местных особенностей» [Кавказ. 1871. № 115: 1].

Государственный служащий и литератор, граф В. А. Соллогуб, находясь в Грузии, участвовал во встрече царского кортежа в Кутаиси. На торжественном приеме он зачитал сочиненное им по случаю приветственное стихотворение «Аллаверды!», которое впоследствии было положено на музыку и стало известной застольной песней.

10 октября в Тифлисе состоялось театрализованное представление, насыщенное исторической символикой и необычайно творческим осмыслением посещения Александром II Кавказа. Начавшись фрагментами из оперы М. Глинки «Жизнь за царя», музыкальное сопровождение постановки «в контраст всякой гармонии» перешло в «родную, безобразно-хорошую зурну». Новые декорации с кавказским пейзажем заполнились сценами из традиционной грузинской жизни и на первый план вышли «князья в своих живописных костюмах», которые возглавили импровизированный пир, где было полностью продекламировано «Аллаверды!» «нашего старого общекавказского друга графа Соллогуба». Аф-

фективной квинтэссенцией представления стала завершающая картина, смешавшая узнаваемые российско-кавказские визуально-музыкальные образы: «При последнем возгласе «Аллаверды!» темный лес исчезает и сменяется другим светлым... Словно в очаровательном сновидении явилась пред глазами зрителей и пирующих эта картина. На пригорке бюст Государя. На пьедестале горят буквами слова «Кавказ», 6 и 28 сентября... Гений славы держит над головой императора лавровый венок. Гений мира простирает к подножию бюста пальмовую ветвь. Кругом группируются гении просвещения, искусств, правосудия и торговли и проч. У ног группы, лицом к бюсту на коленях стоят тифлисские граждане, подносящие... хлеб-соль. Справа ветеран-солдат, ногой попирающий мюрида, и другие воины, выражающие свой восторг, повергая к стопам императора кровью политые знамена». Под звуки гимна «Боже, Царя храни!» загремело русское восторженное «Ура!», загрохотала зурна и вместе с колокольным трезвонном все слилось в одну потрясающую, громкую, нестройную, но величественную музыку». В ходе оваций объявили имя автора – Федор Соллогуб, но к этому было добавлено: «Картину ставило чувство к Тому, Кому она поставлена» [Кавказ. 1871. № 120: 1-2].

Согласно протоколу, наместник на Кавказе непременно сопровождал перемещения императора по территории подвластного ему края, также выступая в качестве ответственного лица при оценке главой государства положения дел на местах. В путешествии 1871 г. Михаил Николаевич выступил проводником и гостеприимным хозяином для венценосного старшего брата. После упразднения Наместничества в конце 1881 г. был учрежден пост главноначальствующего на Кавказе, который занял А.М. Дондуков-Корсаков. При вступлении в должность в течение восьми месяцев он предпринял значительно более обстоятельный ознакомительный объезд Кавказа, обстоятельства которого подробно рассмотрены М.А. Волхонским [Волхонский 2018; Волхонский 2019]. Подражая императорскому сценарию репрезентации власти, новый глава Кавказского края, начинавший военную карьеру на Кавказе, акцентировал внимание на преемственности своей будущей политики с деятельностью первого кавказского наместника М. С. Воронцова. Тем самым он подчеркивал «перед лицом населения Кавказа, что он сам принадлежит к числу «старых кавказцев», элитарной прослойки имперской бюрократии, связанной долгими годами военной или гражданской службы с Кавказом» [Волхонский 2018: 14-16].

Основные впечатления главноначальствующего нашли отражение в подготовленном в 1882 г. «Очерке политического состояния Кавказа» [Волхонский 2021], в котором основное внимание было уделено характеристике состава населения и его благонадежности по отношению к русской администрации. Обнаруженные проблемы объяснялись последствиями недостаточно жесткой и уступчивой к неумеренным запросам местных элит, политики наместничества – от М.С. Воронцова до великого князя Михаила Николаевича [Волхонский 2019: 80, 82]. Исходя из высказанного мнения А.М. Дондуков-Корсаков сформулировал главные задачи, решению которых намеревался посвятить новый этап своей государственной деятельности. Главной целью государственной политики должно было стать «поддержание социально-политической стабильности», ко-

торую предполагалось достигнуть сочетанием широкого арсенала средств – от репрессивных мер превентивного характера, направленных на нейтрализацию неблагонадежного «туземного» населения, так и в «разумных действиях» путем социально-экономических улучшений [Волхонский 2019: 85].

Таким образом, объезд главноначальствующего отличался от императорских путешествий по Кавказу целым рядом обстоятельств, связанных с решением конкретных прикладных задач. А. М. Дондуков-Корсаков стремился сформировать объективное представление о положении в крае для повышения эффективности собственного управления. По оценке М.А. Волхонского, «состоявшийся весной-летом 1882 г. «объезд» Кавказского края князем оказался многоплановой политической акцией, с помощью которой только назначенный главным начальником на Кавказе князь пытался решить по крайней мере две совершенно различные задачи. Вначале идея «объезда» использовалась Дондуковым как аргумент в пользу сохранения за ним на продолжительный переходный период широких административных полномочий, ранее принадлежавших кавказским наместникам. Потерпев неудачу, Дондуков, тем не менее, смог уметь использовать «объезд» края не только для реализации широкомасштабной презентации имперской русской власти, но также для репрезентации себя как главного начальника Кавказского края» [Волхонский 2018: 24].

В своем первом посещении Кавказа Александр Николаевич сопровождал отца в 1871 г. в качестве цесаревича. Осенью 1888 г. он совершил длительную поездку на юг России. Это было единственное значительное ритуальное путешествие Александра III за все время его царствования [Уортман 2004: 384]. С 25 сентября по 13 октября его маршрут пролегал по Кавказу. Открытие с 1870-х гг. движения по Владикавказской и Закавказской железным дорогам, развитие черноморских и каспийских портов на Кавказе значительно повысило мобильность царских путешествий. Маршруты дальнейших царских перемещений были тесно связаны с паровой тягой и рельсовыми магистралями.

Царское путешествие широко освещалось в региональной и столичной прессе [Пребывание... 1888]. Совершенствовался и язык описания путешествий. Это уже не только казенный язык «Правительственного вестника», которому подражали и региональные газеты. Подробнейшие описания этого вояжа оставили опытные литераторы В.А. Потто [Потто 1889] и В.С. Кривенко [Кривенко 1891а; Кривенко 1893]. Множество свидетельств сохранилось в мемуарах современников. Эти источники создавали значительно более живописную картину края, сообщали интереснейшие сведения о жизни народов российского Закавказья. Сами императоры выступали связующим звеном, как с Большой Россией, так и реинтегрировали своими перемещениями в регионе народы Южного Кавказа. Таким образом, благодаря царским путешествиям, новый российский регион становился значительно более узнаваемым для читающей российской общественности. Тем самым в пореформенном информационном пространстве продолжалась интеграция края в социокультурное пространство Российской империи.

Совершенствование транспортной логистики позволяло разнообразить маршрут поездки, не повторяя прежние царские путешествия. Возросшие ско-

рость и комфорт перемещений оставляли больше времени на ритуальные встречи, прием делегаций и подарков от местного населения и т.п. Эти мероприятия становятся более торжественными, включая множество эпизодов, отражавших сложность и динамику имперской ситуации на Кавказе. Взаимные репрезентации императора и представителей местного населения иллюстрировали постоянные поиски власти адекватных сценариев взаимодействия со всем спектром этнического, конфессионального и культурного и регионального своеобразия народов региона. Глава государства проявлял участливое внимание к обычаям, особенностям быта, продуктам хозяйственной деятельности и декоративно-прикладного искусства, которые демонстрировали ему в дороге и преподносили в качестве подарков на официальных встречах. Особенным этнографизмом отличались мероприятия в административных центрах края. Во Владикавказе Александру III представили делегации от большинства народов Терской области. Здесь же состоялось первое знакомство с грузинским гостеприимством цесаревича Николая Александровича, который, в сопровождении министра Царского двора И.И. Воронцова-Дашкова и других высокопоставленных гостей стал гостем расквартированной во владикавказском лагере драгунской дивизии под командованием генерал-лейтенанта и грузинского князя И. Амилахвари.

Александр III прибыл из Ростова во Владикавказ на поезде. Затем железной дорогой по новороссийской ветке Владикавказской железной дороги через Екатеринодар доехал до черноморского побережья. Из Новороссийска морем делегацию доставили в Ново-Афонский монастырь. 25 сентября конечным пунктом морского путешествия стал Батум, присоединенный к России по итогам русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Императора Батум встречал расцвеченный флагами, а вечером провожал иллюминацией. Улицы были наполнены «народом в разнообразных восточных костюмах» [Пребывание... 1888: 27]. В.С. Кривенко более детально описал этнокультурное своеобразие новой российской провинции, отметив, как редки были среди иноплеменной массы «красная рубашка русского рабочего или мундир солдата» [Кривенко 1883: 88]. Называя Батум «младшим из всех городов Закавказья», очевидец путешествия В.А. Потто подчеркивал разительные перемены, произошедшие в его жизни: «Бедная турецкая деревушка за десять-одиннадцать лет до настоящего дня, Батум, со времени присоединения его к России, вырос в цветущий европейский город, с торговым портом и грозными батареями» [Потто 1889: 96]. Впечатления В.С. Кривенко были более сдержанны: «Как ни быстро растет Батум, а все-таки это еще очень небольшой городок с незначительными маленькими домиками» [Кривенко 1891а: 25]. Особо отмечалось стратегическое значение батумской Михайловской крепости. В 1888 г. только она и Карс числились на Кавказе в статусе крепостей [Кривенко 1893: 91-92].

В Батуме Александр III принял участие в закладке новой соборной церкви. Церемониалу придавалось значение символического расширения пространства православного мира. В словах, которыми приветствовал его епископ Гурийский и Мингрельский, особенно пафосно были обозначены религиозно-

освободительные и просветительские последствия присоединения к России: «Двести с лишним лет тяготели поклонники лжепророка над православным этим краем. Но пробил час... там, где сотни лет царил необузданный произвол, царствует ныне правда и милость. Там, где прозябали народы в бедности и невежестве, насаждены ныне блага просвещения, добытые тысячелетнею христианской жизнью» [Пребывание... 1888: 29]. Анализируя риторику участников мероприятий и правительственной прессы в этом и подобных случаях на Кавказе, Р. Уортман отмечает, что обозначение всех провинций России как «Русской земли» определяло новый, национальный характер Российской империи. Подчинение других народностей поднимало Россию на уровень имперской нации и оправдывало впечатляющие подвиги русской армии» [Уортман 2004: 386–387].

Далее маршрут Александра III был продолжен по Закавказской железной дороге, движение по которой по просьбе императора было замедлено для более внимательного осмотра окрестных пейзажей [Потто 1889: 101]. Войскам, размещенным в Боржоме, был устроен «Высочайший смотр», где особенное внимание вызвала «самая юная часть из всей русской армии» – 1-я резервная туземная дружина, составленная из армян и частью из грузин-иверцев, «впервые призванных на служение общему отечеству». Эта демонстрация принятия местным населением всеобщей воинской повинности была особенно важной в свете преимущественного неприятия кавказскими горцами (причем, не только, мусульманами) [Кривенко 1893: 104-105] этого условия военной реформы Александра II, и принятия Александром III в 1886 г. «высочайшего повеления» «О привлечении к отбыванию воинской повинности населения Закавказья и инородцев Терской и Кубанской областей». В законе оговаривалось, что «для лиц мусульманского исповедания поставку новобранцев заменить временно, впредь до дальнейших распоряжений, взиманием особого денежного сбора в доход Государственного Казначейства, присвоив сему сбору наименование налога взамен исполнения воинской повинности натурою» [Высочайшее... 1886: 1].

Здесь же царский поезд встречали великий князь Михаил Николаевич, проживавший в своем Боржомском имении, и тифлисский губернатор князь Шервашидзе [Потто 1889: 104]. Местности, остававшиеся вне охвата железными дорогами, направляли свои депутации к местам остановок царского поезда. После смотра войск император принял делегацию от Карской области. Ее возглавлял седобородый кади, на груди которого имелись турецкие награды, полученные за оборону Карса от русских войск в прежние войны. В разговоре с императором он поделился воспоминаниями о падении Карской твердыни в 1877 г., что привело ее впоследствии под власть России. В похожей манере прошло знакомство с представителями новообретенных территорий Ардагана, Ахалцыха и Ахалкалак [Потто 1889: 107].

28 сентября на железнодорожной станции в Тифлисе к приезду царского поезда съехались из деревень представители грузинского дворянства, а 30 «юных отпрысков грузинских фамилий составили почетный караул... стройная красивая молодежь в своих театральнo-национальных костюмах из бархата,

шелка, позументов, белой кожи и меха обращали на себя внимание даже здесь, среди пестрого и разноцветного населения» [Кривенко 1891а: 32].

Множество источников свидетельствовали, что пребывание императора являлось не только официозным верноподданническим мероприятием, но и незабываемым культурным и даже историческим событием. Привычная повседневная жизнь не только на время замирала, но и отчасти испытывала непредвиденные неудобства. Хубертус Ян отмечает, что визиты царей на Кавказ регулярно приводили к нехватке жилья на местах и росту цен на товары и услуги, особенно в Тифлисе, который, как центр Кавказского края, становился кульминационным пунктом путешествия [Hubertus Jahn 2021: 178].

К приезду «высочайших гостей» населенные пункты украшались флагами и цветами, а по вечерам – декоративным освещением. Не только губернские, но и уездные административные центры по пути царского путешествия превращались в средоточие культурной жизни, в которой находилось место и для великосветских, и для народных развлечений. Празднования продолжались иногда несколько дней, сопровождалась массовыми народными гуляниями, общедоступными театральными представлениями и концертами, обильными угощениями и танцами. В этом диалоге культур сочетались русские, европейские и кавказские праздничные традиции. В.С. Кривенко живописно характеризовал органичность этой культурной экзотики: «На площади толпился народ, выжидая выхода Высочайших гостей. Через площадь нет, нет, и пробираются фаэтоны, в которых или зурначи, или чонгуристы, или просто шарманщики. Они наигрывают на своих музыкальных инструментах, доставляя народной массе большое удовольствие. Можно ли представить себе такую едущую музыку у нас на Невском и на Морской? А в Тифлисе все это выходило несколько не дико, только оригинально. Конечно, вечером город осветился иллюминацией. Сильно пересеченная, волнообразная местность придавала особую красоту иллюминации. С горы Св. Давида представлялся чудный вид на горевший огнями город...». Визит императора предоставлял населению лишние выходные дни, в которые коммерческая активность даже в главных торговых центрах замирала: «Все три дня пребывания царской семьи в Тифлисе городское население так же, как и во Владикавказе и Екатеринодаре, вполне праздновало. Всякие житейские заботы, трудовые занятия, все это было отложено в сторону, в магазинах и лавках торговля почти не производилась, хотя витрины их не были закрыты ставнями и занавесками с тем, чтобы не придавать улицам мрачный, неприветливый вид» [Кривенко 1891а: 34].

Путешествия, как возможность прямого общения с императором, стали новацией в праздничной культуре народов Южного Кавказа. Церемониал масштабных мероприятий выразительными и запоминающимися средствами олицетворял сущность интеграции региона в имперское социокультурное пространство. Отлаженный государственный механизм организации торжественных приемов императора синтезировал риторическую и ритуальную символику патернализма и верноподданничества с многоцветием этнических и религиозных традиций, объединяемых имперским порядком. Каждое путешествие превращалось в историческое событие для Закавказья, и очередное посещение края

императором последовательно вплеталось в коммеморации важнейших событий в российской истории Кавказа. Посещая край в молодые годы, цесаревичи XIX в. открывали для себя южные окраины своей империи, демонстрировали себя местным подданным, вступали с ними в политико-культурный диалог, и уже императорами получали возможность лично удостовериться в характере произошедших изменений.

Дальнейший маршрут путешествия Александра III продолжил своеобразную ревизию железнодорожного сообщения в Закавказье. Пребывание в Баку (8–9 октября) включало закладку православного храма, прием делегаций народов Дагестана и Средней Азии, а также обстоятельный осмотр нефтепромыслов товарищества Нобель. На обратном пути к Черному морю царский поезд совершил 20-минутную остановку на колоритно украшенной Елисаветпольской станции, на фоне которой прошло протокольное представление императорскому семейству городских и губернских deputаций. После двухдневной охоты в Караязе 12–14 октября Александр III посетил Кутаис, где особое внимание уделил посещению Александро-Невского собора, сооруженного на народные пожертвования в память о Царе-Освободителе [Пребывание... 1888: 61–77].

Из Батума Александр III с семьей отбыл в крымскую резиденцию. Однако приятные впечатления о Кавказе были омрачены трагическим инцидентом: 17 октября 1888 г. в районе села Борки, южнее Харькова случилась знаменитая катастрофа царского поезда [Мещенина 2013]. Причем чудесное спасение царской семьи, несмотря на значительные разрушения подвижного состава и гибель более 20 человек стали истолковываться как свидетельство божественной милости, которой пользовался царь [Hubertus Jahn 2021: 183]. А в честь «чудесного избавления» участники встреч с царской семьей организовывали мусульманские жертвоприношения с массовыми угощениями [Кавказ 1888. №313: 2–3]

Двадцатилетний цесаревич Николай Александрович впервые посетил Кавказ, сопровождая отца в сентябре-октябре 1888 г. В дальнейшем он посещал Кавказ в череде многочисленных ознакомительных путешествий по различным территориям своих будущих владений, где «не только проезжал, но останавливался иногда на значительное время и имел возможность вглядываться в картину прошлого и знакомиться с современным их состоянием» [Кривенко 1891b: 1]. В начале ноября 1892 г. пароходом из Одессы он прибыл в Батум. Церемониал встречи был близок к протокольным правилам встречи монарха: еще на борту доставившего цесаревича крейсера «Память Меркурия» его встретил почетным рапортом Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе генерал-адъютант С.А. Шереметьев, а также другие представители кавказской власти. При этом, как событие не первостепенной политической значимости, приезд Николая Александровича официальная газета «Кавказ» освещала в репортаже не на первой странице [Кавказ. 1892. №297: 2–3]

По пути следования на «нарядно убранных» станциях Закавказской железной дороги Николая Александровича встречали официальные лица и представители местного населения. На узловой станции Михайлово цесаревича встретил двоюродный дядя великий князь Николай Михайлович – сын прежнего наместника Михаила Николаевича, возводивший в этот период знаменитый

Ликанский дворец в Боржоми. Далее «августейшие путешественники» в колясках продолжили ознакомительную поездку в Боржом, Абастуман и Ахалцых [Приезд... 1892: 2].

Последнее посещение русским императором Кавказа прошло в ходе одного из объездов действующей армии в конце ноября – начале декабря 1914 г. Маршрут Высочайшего путешествия по городам Средней и Южной России был проложен до позиций на Кавказском фронте. Через несколько дней после визита Николая II войска вступили в военные действия с турецкой армией в ходе драматической Сарыкамышской операции. Поездка отличалась беспрецедентным информационным сопровождением: основные события фиксировались «фотографом Его Величества» и даже снимались на кинопленку. Таким образом посещение Кавказа приобрело и большое пропагандистское значение. Подробный отчет с фотографиями был издан в одной из серии книг о посещении императором действующей армии в 1914–1915 гг. [Дубенский 1915]

Церемониал путешествия вобрал в себя весь накопленный предыдущими путешествиями опыт и вместе с тем носил совершенно новый прикладной смысл. 26 ноября – 1 декабря 1914 г. Николай II посетил Тифлис и прифронтовые Карс, Сарыкамыш и Меджингерт. Технологически это было самое совершенное путешествие: императорский поезд перемещался по железной дороге, а все другие передвижения осуществлялись на автомобилях. Самой южной точки своего путешествия достиг по недавно открытым железнодорожным веткам и новейшему Карскому шоссе. 1 декабря покинув Тифлис, царский поезд объехал Кавказ с востока и 4 декабря прибыл во Владикавказ, откуда отправился в Новочеркасск [Дубенский 1915: 32-102].

В Тифлисе объединяющим жестом, мобилизующим общественное мнение грузин, армян и других этнических и конфессиональных сообществ многонациональной столицы Кавказского края, стало последовательное участие Николая II в богослужении в Сионском и Ванском армяно-григорианском соборе, а затем посещение шиитской и суннитской мечети [Дубенский 1915: 35–42]. На четвертый день состоялась ответная церемониальная репрезентация патриотического единодушия населения Южного Кавказа. Император принял делегации от многих народов и конфессий края, выражавших решимость воевать до победного конца. Прием deputаций от мусульман Тифлисской и Елисаветпольской губерний демонстрировал верноподданническую преданность в борьбе с мусульманской Турцией. Как отмечалось в официальной летописи кавказского путешествия императора, символически «рушилось то, о чем мечтали турки. Они думали, что мусульманское население Кавказа станет на сторону наших врагов и облегчит им борьбу с русским солдатом. Турки мечтали о волнениях, мятежах и беспорядках в горных областях. Но это-то население и проявило тот необычайный подъем духа, который привел к формированию целых шести полков исключительно из кавказских туземцев» [Дубенский 1915: 65].

Однако были и другие впечатления. Очевидец последних лет наместничества на Кавказе, вспоминая посещение Николаем II прифронтового Кавказа в декабре 1914 г., с раздражением описывал лицемерный характер ритуальных славословий deputаций от основных национальностей Закавказья, которые

проводил император в Тифлисе. В 1914 г. одни и те же общественные лидеры превозносили императора «до облаков и характеризуя русское владычество спасительным и благотворным для Кавказа», и менее чем через два с половиной года «мешали с грязью имя несчастного царя, когда он отрекся от престола, понося Россию и русский народ, якобы душивший и угнетавший «культурные» народы Кавказа». При этом более искреннее впечатление производили простые речи «делегации от народа», в отличие от интеллигенции, которая «говорила фальшь» [Исмаил-Заде 2005: 428-429].

Традиционным пунктом сценария «высочайших путешествий» являлось посещение императором медицинских учреждений. Обстоятельства исторического момента отдавали приоритет вниманию военным лазаретам. Медицинский персонал Тифлисской городской больницы удивлялся, что «Государь так добр, прост и обходителен» [Дубенский 1915: 50]. Описания личного царского присутствия у коек с ранеными встречались и в путешествиях Николая I и Александра II, нередко в качестве организаторов оказания медицинской помощи выступали представительницы женской половины Романовых [Уортман 2004: 691-692]. Многократное освещение таких действий, их широкая визуализация в фотографиях и кинохронике демонстрировали максимально возможное приложение физических и моральных сил монаршей семьей, обеспечивая воодушевляющую мобилизацию общественного мнения в условиях военного времени.

Первое посещение Карса русским царем состоялось по «прекрасному шоссе» на автомобилях [Дубенский 1915: 72]. Прифронтовой город, частично покинутый мирными жителями, к приезду императора опустел еще больше после того, как из него было «удалено подозрительное население в виде немецких колонистов». Приезд императора осветился иллюминацией его имени на зубчатых стенах Карсской цитадели [Дубенский 1915: 72-73].

Далее по открытому в 1913 г. участку железной дороги Карс-Сарыкамыш Николай II прибыл в центр российского оборонительного района. По мнению Б.И. Колоницкого несмотря на то, что «официальная пропаганда преувеличивала» опасность посещения императором прифронтового района и едва ли появление было «настоящим осмотром театра военных действий, но очевидно, эта поездка способствовала подъему боевого духа войск, никак не ожидавших видеть Николая II на далеком фронте» [Колоницкий 2010: 113-114]. Благодаря развитию транспортных коммуникаций комфортная доступность самого южного рубежа России на Кавказе, внимание к нему высочайшей особы, символически являлась демонстрацией прочного присутствия высшей власти, закрепляя в глазах подданных реальность имперского пространства.

В поездке по Закавказью Николай II часто представал перед своими кавказскими подданными одетым в форменную одежду определенных подразделений [Исмаил-Заде 2005: 428], походную шинель или в черкеску с папахой, что вызывало симпатию со стороны военнотружущих, казаков и «туземцев» [Дубенский 1915: 50]. Однако не всегда исполнение необходимых образов в одежде выглядело удачным. Командир конвоя наместника в 1908–1917 гг. Н.А. Бигаев вспоминал, что на «грузинском банкете» в Тифлисе «Государь был одет

в черкеску серую длиною «до пяток». Вообще кавказский костюм на нем был сшит безобразно. Я был удивлен, что русского царя не могли шикарно нарядить в черкеску, подпоясанную хорошим кавказским ремнем, при хорошем кавказском оружии!» [Цит. по: Исмаил-Заде 2005: 428].

Б.И. Колоницкий отмечает подобную смену обмундирования как характерную особенность репрезентации последнего императора при посещении различного рода воинских частей. С началом Первой мировой войны и особенно в прифронтовых регионах этот стиль стал подчеркнуто демократичным. «Тем самым царь демонстрировал свою постоянную солидарность с простым армейским офицерством, с фронтовиками», что должно было служить «задачам патриотической мобилизации населения огромной империи» [Колоницкий 2010: 100].

Единственным главой Кавказского края, не сопровождавшим императора в путешествии по Кавказу, стал серьезно болевший в 1914 г. И.И. Воронцов-Дашков. Поэтому во многих официальных мероприятиях в Тифлисе его заменяла супруга. Демонстрируя «особое уважение и расположение» наместнику, Николай II расположился в его дворце. Тем самым «хозяин земли русской стал гостем хозяина дома своего наместника» [Исмаил-Заде 2002: 427]. Нельзя исключать, что впечатления от Кавказа и сочувствие к неоднократным просьбам престарелого И.И. Воронцова-Дашкова об освобождении его от непосильных уже для него обязанностей, стали уместным поводом для перестановок, произведенных Николаем II в 1915 г. К середине года император все больше подозревал своего дядю великого князя Николая Николаевича, исполнявшего с первых дней войны функции верховного главнокомандующего, «в подготовке путей к Престолу для себя» [Исмаил-Заде 2005: 451-452]. Вопреки мнению правительства, депутатов Государственной думы и многих из представителей императорской семьи [Колоницкий 2010: 139-146], Николай II в августе 1915 г. сам приступил к руководству всеми войсками, а на посту кавказского наместника И.И. Воронцова-Дашкова заменил великим князем Николаем Николаевичем.

Последним из Романовых, наделенных властными полномочиями, «опальный Великий князь приехал на Кавказ, воодушевленный лучшими намерениями в деле продолжения мудрой политики своего предшественника» [Цит. по: Исмаил-Заде 2005: 433]. Однако за полтора года наместничества его поездки по краю в основном происходили по одному маршруту: преодолевая до 900 верст на автомобиле, между театром военных действий (достаточно успешным для российской армии) и Тифлисом, с которым были связаны все мероприятия по гражданскому управлению Кавказом.

Показателен сценарий прибытия нового наместника в Тифлис. Николай Николаевич вышел к почетному караулу на Тифлисском вокзале в черкеске – парадной форме кавказских казаков, и преследовал верхом, «в сопровождении конвоя и огромной свиты, согласно установленного и им заранее в дороге одобренного церемониала, сначала в древний Сионский грузинский собор, потом в Ванский армянский, а затем в мечети шиитского и суннитского толков» [Цит. по: Исмаил-Заде 2005: 434], повторив конфессиональный маршрут своего племянника в конце ноября 1914 г.

Таким образом, значимость царских путешествий в истории российского Южного Кавказа определялась узнаванием кавказских народов, знакомством с меняющимся общественным и хозяйственным укладом, испытанием новых транспортных путей, выполнением патерналистской миссии и подчеркнутым почитанием ключевых событий имперского периода истории. Все это должно было способствовать углублению интеграции региона в большое имперское пространство, снижать противоречивые последствия реинтеграции народов Южного Кавказа в рамках российского государственного порядка, и обеспечивать мобилизацию демографических, материальных и др. ресурсов для достижения символического единства культурно-сложного региона при преодолении внутренних проблем и внешних угроз.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Hubertus Jahn 2021 – *Hubertus Jahn*. Visits of tsars to the Caucasus as representations of Empire // *Identities and Representations in Georgia from the 19th Century to the Present*. Ed. by Hubertus Jahn. 2021. – P. 169-184.

Баев 1907 – *Баев Г.* Шаги гражданственности среди горских племен Терской области // Тифлисский листок. – 1907. – № 30. – С. 2.

Бекулов, Бекулова 2020 – *Бекулов Х.М., Бекулова И.Б.* Поездка Александра III на Кавказ как новая веха интеграции горских народов в составе Российской империи // Российский электронный научный журнал. – 2020. – № 4 (38). – С. 159-185.

Волхонский 2006 – *Волхонский М.А.* Первая русская революция и восстановление Наместничества на Кавказе // *Кавказский сборник*. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2006. – Т.3 (35). – С. 87-106.

Волхонский 2018 – *Волхонский М. А.* «Объезд» главноначальствующим кн. А. М. Дондуковым-Корсаковым Кавказского края в 1882 г.: борьба за полномочия и презентация имперской власти // *История. Научное обозрение OSTKRAFT*. – №6. – М.: Модест Колеров, 2018. – С. 5-24.

Волхонский 2019 – *Волхонский М.А.* «Ревизия» А.М. Дондукова-Корсакова Кавказского края в 1882 г. // *Уральский исторический вестник*. – 2019. – №2 (63). – С. 79-86.

Волхонский 2021 – *Волхонский М.А.* «Искать преимущественную опору в наиболее надежном элементе края». Всеподданнейшая записка главноначальствующего князя А.М. Дондукова-Корсакова «Очерк политического состояния Кавказа». Декабрь 1882 г. // *Кавказский сборник*. – Москва, 2021. – Том. 11 (45). – С. 112-138.

Высочайшее... 1886 – Высочайшее повеление «О привлечении к отбыванию воинской повинности населения Закавказья и инородцев Терской и Кубанской областей». – Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1886. – 5 с.

Дубенский 1915 – Его Императорское Величество государь император Николай Александрович в действующей армии: ноябрь-декабрь 1914/Сост. генерал-майор Дубенский. – Петроград: Министерство императорского двора, 1915. – 190 с.

Дякин 1998 – *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). – СПб.: «ЛИСС», 1998. – 1000 с.

Заметки... 1871 – Заметки о путешествии Его Величества Государя Императора по Терской области (окончание) // *Терские ведомости*. – 1871. – № 42. – С. 2-3.

Исмаил-Заде 2005 – *Исмаил-Заде Д.И.* Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 511 с.

Кавказ – газета «Кавказ». – Тифлис.

Киреев 2011 – *Киреев Ф.* Самодержцы во Владикавказе // *Родина*. – 2011. – № 8. – С. 130-131.

Колоницкий 2010 – *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 664 с.

Кривенко 1891a – *Кривенко В.С.* Поездка на юг России в 1888 году. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1891. – 59 с.

Кривенко 1891b – *Кривенко В.С.* Путешествие его императорского высочества наследника цесаревича на Восток, от Гатчины до Бомбея. – СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1891. – 72 с.

Кривенко 1893 – *Кривенко В.С.* Очерки Кавказа. Поездка на Кавказ осенью 1888 г. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1893. – 246 с.

Мещенина 2013 – *Мещенина А.А.* «Кавказ замер в трепетном ожидании...» (к истории путешествия Александра III на Кавказ в 1888 г.) // Романовы в дороге: путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: Тезисы Межрегиональной научной конференции 12-13 ноября 2013 г. – М.: Институт славяноведения, 2013. – С. 20-21.

Очерк... 1871 – Очерк высочайшего государя императора путешествия в пределах Тифлисской губернии // Кавказ. – 1871. – №115. – С. 1-2.

Потто 1889 – *Потто В.А.* Царская семья на Кавказе. 18 сентября — 14 октября 1888 года. – Тифлис: Тип. Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1889. – 236 с.

Пребывание... 1888 – Пребывание на Кавказе их императорских величеств государя императора Александра III Александровича и государыни императрицы Марии Федоровны // Кавказский календарь на 1889 г. – Тифлис, 1888. – Приложение. – С. 1–81.

Приезд... 1892 – Приезд наследника цесаревича на Кавказ // Северный Кавказ. – 1892. – № 91. – С. 2.

Приказ... 1871 – Приказ по Кавказскому военному округу 30 октября 1871 г. // Терские ведомости. – 1871. – № 42. – С. 1.

Трепавлов 2015 – *Трепавлов В.* Царские путешествия на Кавказ // Родина. – 2015. – № 10. – С. 102–107.

Уортман 2004 – *Уортман Р.С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2-х т. Т. 2: от Александра II до отречения Николая II. – М.: ОГИ, 2004. – 796 с.

REFERENCES

BAEV G. *Shagi grazhdanstvennosti sredi gorskikh plemen Terskoi oblasti* [Steps of citizenship among the mountain tribes of the Terek region]. IN: Tiflisskii listok. – 1907. – No. 30. – P. 2. (In Russ.).

BEKULOV Kh.M., BEKULOVA I.B. *Poezdka Aleksandra III na Kavkaz kak novaya vekha integratsii gorskikh narodov v sostave Rossiiskoi imperii* [Alexander III's trip to the Caucasus as a new milestone in the integration of the mountain peoples within the Russian Empire]. IN: Rossiiskii elektronnyi nauchnyi zhurnal. – 2020. – No. 4 (38). – P. 159-185. (In Russ.).

DYAKIN V.S. *Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX – nachalo XX vv.)* [The national question in the domestic politics of tsarism (XIX – early XX centuries)]. – SPb.: «LISS», 1998. – 1000 p. (In Russ.).

Ego Imperatorskoe Velichestvo gosudar' imperator Nikolai Aleksandrovich v deistvuyushchei armii: noyabr'-dekabr' 1914 [His Imperial Majesty the Tsar Nicholas Alexandrovich in the Active Army: November-December 1914] /Comp. by general-maior Dubenskii. – Petrograd: Ministerstvo imperatorskogo dvora, 1915. – 190 p. (In Russ.).

HUBERTUS JAHN. *Visits of tsars to the Caucasus as representations of Empire* IN: *Identities and Representations in Georgia from the 19th Century to the Present*. Ed. by Hubertus Jahn. 2021. – P. 169-184. (In English).

ISMAIL-ZADE D.I. *Graf I.I. Vorontsov-Dashkov. Namestnik Kavkazskii* [Count I.I. Vorontsov-Dashkov. Viceroy of the Caucasus]. – М.: ЗАО Тsentropolirraf, 2005. – 511 p. (In Russ.).

Kavkaz [the newspaper "Caucasus"]. – Tiflis. (In Russ.).

KIREEV F. *Samoderzhitsy vo Vladikavkaze* [Samoderzhitsy in Vladikavkaz] IN: *Rodina*. – 2011. – No. 8. – P. 130-131 (In Russ.).

KOLONITSKII B.I. *«Tragicheskaya erotika»: Obrazy imperatorskoi sem'i v rody Pervoi mirovoi voyny* ["Tragic Erotica": Images of the Imperial Family during the First World War]. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. – 664 p. (In Russ.).

KRIVENKO V.S. *Ocherki Kavkaza. Poezdka na Kavkaz osen'yu 1888 g.* [Essays of the Caucasus. Trip to the Caucasus in autumn 1888] – SPb.: tip. A.S. Suvorina, 1893. – 246 p. (In Russ.).

KRIVENKO V.S. *Poezdka na yug Rossii v 1888 godu* [A Trip to the South of Russia in 1888.]. – SPb.: tip. A.S. Suvorina, 1891. – 59 p. (In Russ.).

KRIVENKO V.S. *Puteshestvie ego imperatorskogo vysochestva naslednika tsesarevicha na Vostok, ot Gatchiny do Bombeya* [Journey of His Imperial Highness the Crown Prince to the East, from Gatchina to Bombay]. – SPb.: tip. M-va vn. del, 1891. – 72 p. (In Russ.).

MESHCHENINA A.A. «Kavkaz zamer v trepetnom ozhidanii...» (k istorii puteshhestviya Aleksandra III na Kavkaz v 1888) ["The Caucasus froze in anxious expectation...". (To the History of Alexander III's Travels to the Caucasus in 1888)]. IN: Romanovy v doroze: puteshhestviya i poezdki chlenov tsarskoi sem'i po Rossii i za granitsu: Tezisy Mezhhregional'noi nauchnoi konferentsii 12-13 noyabrya 2013 g. – M.: Institut slavyanovedeniya, 2013. – P. 20-21. (In Russ.).

Ocherk vysochaishego gosudarya imperatora puteshhestviya v predelakh Tiflisskoi gubernii [Essay of the Highest Emperor's Journey in Tiflis Province] IN: Kavkaz. – 1871. – No. 115. – P.1-2. (In Russ.).

POTTO V.A. *Tsarskaya sem'ya na Kavkaze. 18 sentyabrya – 14 oktyabrya 1888* [The Tsarist Family in the Caucasus. September 18 – October 14, 1888]. – Tiflis: Tip. Okruzhnogo Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1889. – 230 p. (In Russ.).

Prebyvanie na Kavkaze ikh imperatorskikh velichestv gosudarya imperatora Aleksandra III Aleksandrovicha i gosudaryni imperatritsy Marii Fedorovny [Stay in the Caucasus of Their Imperial Majesties, Sovereign Emperor Alexander III Alexandrovich and Sovereign Empress Maria Feodorovna]. IN: Kavkazskii kalendar' na 1889 g. – Tiflis, 1888. – Prilozhenie. – P. 1–81. (In Russ.).

Priezd naslednika tsesarevicha na Kavkaz [The Crown Prince's arrival in the Caucasus]. IN: Severnyi Kavkaz. – 1892. – No. 91. – P. 2. (In Russ.).

Prikaz po Kavkazskomu voennomu okrugu 30 oktyabrya 1871 g. [Order for the Caucasian Military District, October 30]. IN: Terskie vedomosti. – 1871. – No. 42. – P.1. (In Russ.).

TREPAVLOV V. *Tsarskie puteshhestviya na Kavkaz* [Tsar's travels to the Caucasus]/ IN: Rodina. – 2015. – No.10. – P. 102–107. (In Russ.).

VOLKHONSKII M. A. «Ob"ezd» *glavnonachal'stvuyushchim kn. A. M. Dondukovym-Korsakovym Kavkazskogo kraja v 1882 g.: bor'ba za polnomochiya i prezentatsiya imperskoi vlasti* ["Detour" by the chief prince A. M. Dondukov-Korsakov of the Caucasus region in 1882: the struggle for authority and the presentation of imperial power]. IN: Istoriya. Nauchnoe obozrenie OSTKRAFT. – No. 6. – M.: Modest Kolerov, 2018. – P. 5-24. (In Russ.).

VOLKHONSKII M.A. «*Iskat' preimushchestvennuyu oporu v naibolee nadezhnom elemente kraja*». *Vseподданнейшая записка главnonachal'stvuyushchego knyazya A.M, Dondukova-Korsakova «Ocherk politicheskogo sostoyaniya Kavkaza». Dekabr' 1882* ["Seeking a preferential support in the most reliable element of the region". The all-subject note of the chief prince A.M. Dondukov-Korsakov "The sketch of the political state of the Caucasus". December of 1882]. IN: Kavkazskii sbornik. – Moskva, 2021. – Vol. 11 (45). – P. 112–138. (In Russ.).

VOLKHONSKII M.A. "Revision" by A.M. Dondukov-Korsakov of the Caucasian region in 1882 ["Revision" by A.M. Dondukov-Korsakov of the Caucasian region in 1882]. IN: Ural Historical Herald. – 2019. – No. 2 (63). – P. 79-86. (In Russ.).

VOLKHONSKII M.A. *Pervaya russkaya revolyutsiya i vosstanovlenie Namestnichestva na Kavkaze* [The first Russian revolution and the restoration of Governorate in the Caucasus]. IN: Kavkazskii sbornik. – M.: NP ID «Russkaya panorama», 2006. – Vol. 3 (35). – P. 87-106. (In Russ.).

Vysochaishee povelenie «O privilechenii k otbyvaniyu voinskoi povinnosti naseleniya Zakavkaz'ya i inorodtsev Terskoi i Kubanskoi oblastei» [The imperial order "On enlisting the population of Transcaucasia and the peoples of the Terek and Kuban regions"]. – Tiflis: Tipografiya kantselyarii glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze, 1886. – 5 p. (In Russ.).

WORTMAN R.S. *Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoi monarkhii. V 2-kh tt.* [Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy. In 2 vols. Vol. 2: From Alexander II to the abdication of Nicholas II]. – M.: OGI, 2004. – 796 p. (In Russ.).

Zametki o puteshestvii Ego Velichestva Gosudarya Imperatora po Terskoi oblasti (okonchanie) [Notes on His Majesty the Emperor's Travels in the Terek Region (End)]. IN: *Terskie ведомosti*. – 1871. – No. 42. – P. 2. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.Н. Прасолов – кандидат исторических наук

Information about the authors

D.N. Prasolov – Candidate of Science (History)

Статья поступила в редакцию 05.05.2022 г.; одобрена после рецензирования 31.05.2022 г.; принята к публикации 14.06.2022 г.

The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 31.05.2022; accepted for publication 14.06.2022.